

Борисоглебск – районный центр Воронежской области, характерный провинциальный город Черноземного региона России. Обладая бурной историей, он сумел сохранить многое из своих исторических и культурных богатств. Сегодня этот малый город «застыл» в преддверии ожидаемых изменений. Изменения грядут с приходом масштабных нацпроектов, со строительными инициативами, с общей тенденцией к благоустройству и современному дизайну. Обсуждается мера адекватности возможных стратегий развития ценностям городской ткани, сотканной долгим и неспешным накоплением качеств «по месту».

Ключевые слова: малый город; исторический город; Борисоглебск; целостность среды; идентичность места обитания; инструменты городского развития. /

Borisoglebsk is a district center in the Voronezh region, a typical provincial town in the Black Earth region of Russia. Despite its turbulent history, the town managed to save most of its historical and cultural wealth. Today this small town is “frozen” in anticipation of upcoming changes. The changes are coming together with large-scale national projects, building initiatives and the general tendency towards improvements and contemporary design. The authors discuss the measure of adequacy of possible development strategies for the values of the urban fabric woven by a long and slow accumulation of qualities “in situ”.

Keywords: small town; historic town; Borisoglebsk; integrity of the environment; identity of the habitat; tools of urban development.

^ Рис. 1. Вид на город Борисоглебск. Фото с сайта <https://gorodarus.ru/borisoglebsk.html> (дата обращения: 20.05.2020)

Борисоглебск. Идентичность малого города / Borisoglebsk. Identity of a small town

ТЕКСТ

Петр Капустин
Денис Асташов /
text
Petr Kapustin
Denis Astashov

Малые города не случайно привлекают сегодня к себе все более пристальное внимание [1]. Они – не только своеобразные заповедники народной души; ими, а отнюдь не крупными и крупнейшими городами, центрами экономики, политики и культуры, удерживается идентичность национального ландшафта, а вместе с ландшафтом и глубинная нить культурного самочувствия страны, без которой теряют смысл всякая экономика и всякая политика. Малые города России сегодня переполнены проблемами и ожиданиями, они существуют на тонкой грани возможного исчезновения, но и столь же возможного возрождения. Нарушить их феноменальную атмосферу нетрудно: достаточно лишь привнесения усредненного «блага», уже не раз приводившего к печальным последствиям. Для этого даже не надо сносить памятники: хватит и одного типового благоустройства. Между тем, их атмосфера – среда – отчетливо осознается сегодня как национальное культурное, художественное и духовное достояние. Являя нам примеры целостности, стойкости и простодушной мудрости, они, как никакие иные урбанистические или проектные поводы, заставляют подвергнуть кардинальной ревизии наличествующие у нас средства и методы работы.

Идентичность и целостность

Вопрос целостности городской среды остается актуальным на протяжении всего времени существования понятия «городская среда». Очевидно, что в случае исторической городской среды речь не может идти о композиционной монолитности или о стилевой монополии; исторические города, в т. ч. малые, разностильны, коллажны, даже «лоскутны». Феномен целостности в таких организованных сложен, нередко парадоксален; он требует не ансамблевого, но именно средового мышления – эти открытия сделаны давно, в 1970–1980-е годы [см. 2, 3], но они, кажется, до сих пор не стали достоянием массового профессионального сознания. В процессе эволюционного развития городов проблема сохранения целостности выходит на первый план, так как в настоящее время все еще сохраняющийся волюнтаристский образ мышления, новые эстетически агрессивные строительные материалы и, наконец, передовые

технологии строительства, позволяющие в сжатые сроки возводить здания (быстрее, чем возникает общественное осознание их ненужности или недопустимости), создают благоприятную почву для существования поверхностного отношения к городской среде, к ее хрупким ценностным аспектам. И в итоге – к ее идентичности.

Город – это палимпсест, интегральный результат взаимодействия времени и места. В форме города отражаются процессы, происходящие в определенное время в конкретном месте. Осознание того, что городская среда – это не просто набор материальных элементов, помещенных в одно пространство и выполняющих определенные функции, но «живое», целостное образование, обладающее определенным духовным потенциалом, которое имеет свою «душу», отражает ментальность и образ жизни населения, стоит рассматривать, пожалуй, как центральное условие гуманизации архитектурно-градостроительной деятельности сегодня.

Темы целостности и идентичности близки: ими может быть схвачена экзистенциальная атмосфера живых и осмысленных мест обитания, резко отличающая их от выморочных, неинтересных даже самим обитателям, в итоге – неизбежно умирающих территорий. Живые города, подобные Борисоглебску, каким-то чудесным образом возвращают способность социума выйти за рамки примитивного, приземленного, обыденного образа жизни, удовлетворяющего только телесные потребности человека, в мир, где жизнь человека наполняется смыслом, аккумулирующем в себе потенцию и стремления души к творчеству. Это формирует принципиально другой образ жизни населения, а образ жизни – одна из составляющих «души» города.

Синонимами понятия целостности традиционно рассматриваются понятия единство, неразделимость, слитность, полнота, неразрывность, всеобщность, завершенность, тотальность... Среди этого ряда синонимов есть верные, или, по крайней мере, не противоречащие природе средовой целостности (единство, неразделимость, слитность), но есть и те, что привносят в понятие чуждые для нашей темы коннотации. Городская среда – это постоянно развивающаяся, пульсирующая, изменяющаяся субстанция, которая не может обладать ни полнотой,

^ Рис. 2. В здании XIX в. сейчас разместился филиал Воронежского госуниверситета. Фото Studio47.ru

^ Рис. 3. Железнодорожный вокзал. Введен в эксплуатацию в 1871. Фото 1920-х

ни завершенностью. Тем более опасно отождествлять целостность со всеобщностью или тотальностью.

Обладая несомненными типическими чертами, среда малых городов России ценна именно своей индивидуальностью, несводимостью к другим средам, другим местам.

Борисоглебск как он есть

Борисоглебск эволюционировал от крепости, поставленной в 1698 г. на границе государства Российского, как пишет летописец, «для береженья от набегов беспокойных крымских, азовских и ногайских людей». Крепость окружал выразительный природный ландшафт: реки Ворона и Хопёр омывали просторное плато, позволявшее расти поселению. Расцвет города начинается в эпоху Петра Великого: в проекте покорения Азова Борисоглебск становится центром заготовки корабельного леса для постройки каботажного флота, появляется и своя корабельная верфь. Развивается промышленность и ремесла, город привлекает множество торгового и рабочего люда, а также квалифицированных специалистов. В 1708 г. при первом разделении страны на губернии он отходит к Азовской губернии, чем подчеркивается его военное и морское значение. Во второй половине XVIII в. Борисоглебск постепенно теряет оборонное и кораблестроительное значение, превращается в торговый город, где два раза в год проходили ярмарки. Удачное расположение на пересечении торговых путей – трактов и судоходных рек – быстро сделало Борисоглебск узлом предпринимательской активности. К началу XIX в. в городе насчитывалось 34 завода и фабрики. Город ориентировался в основном на производственную сферу, что давало населению рабочие места и относительное процветание. После строительства железной дороги город быстрыми темпами стал расширяться и развиваться. Динамично меняется характер среды, так как городские границы значительно расширились. Растет внимание к городу у губернских и центральных властей. Появляются интересные, адресные постройки общественного и жилого назначения, до наших времен определяющие восприятие городского пространства.

Наличие собственных кадров и возникновение местной традиции средообразования существенно сказались

на истории и облике Борисоглебска. Есть основания говорить о некоем «генетическом коде», воспроизводящемся в поколениях, узнаваемом во многих генпланах города [4]. Формируется довольно устойчивая преемственность развития планировочной структуры города, к основным особенностям которой можно отнести:

- сохранение регулярной планировки города;
 - сохранение в различных планах города выходов широтных улиц к реке Вороне;
 - подчинение набережных улиц тектонике ландшафта;
 - сохранение основной структурной и композиционной оси города – городского бульвара (сегодня – ул. Свободы);
 - сохранение значения [5] пересечений основных улиц (ул. Матросовской, Советской и Линейной с ул. Свободы) в качестве узловых точек городского композиционного каркаса;
 - преемственность масштаба и детализации застройки, значительный вес в образе города произведений декоративно-прикладного искусства и художественных ремесел.
- Не обошлось и без утрат, произошедших по разным причинам в течение прошедших десятилетий. Основными структурно-планировочными и образно-тектоническими утратами являются:
- разрушение Сретенского храма – основной тектонической и духовно-ценностной доминанты города;
 - снос храма Преображения и, как следствие, разрушение «сакрального треугольника» городского центра, нарушение тектоники главного «фасада» города;
 - застройка площадей Сенной, Дровяной, Хлебной, Торговой (Новособорной).

Исследования малых и средних городов Черноземного региона показывают, что культовые сооружения продолжают доминировать и формировать композиционный каркас города. Например, в силуэте города Боброва акцентно-доминантную роль выполняет культовое сооружение. И в г. Новохоперске в городской панораме доминирующую роль играет храм. В г. Анне храм не столько формирует силуэт города, сколько носит композиционно-доминантный характер в контексте городской среды, является центром функционально-планировочной струк-

^ Рис. 4. Народный дом. Построен в 1915 на средства купца Ефима Дмитриевича Мягкова. Фото начала XX века

> Рис. 5. Драмтеатр им. Н. Г. Чернышевского, бывший Народный дом. Рис. Д. Астахова

туры и служит ориентиром, так как расположен на высокой части рельефа. В селе Малая Грибановка храм также является основной архитектурной доминантой, вокруг которой располагается рядовая застройка поселения.

Очевидно, культовые сооружения являются ключевыми постройками, формирующими облик исторических малых городов Черноземья, композиционными центрами, определяющими идентичность городской среды и духовно-нравственные основы общества.

В XVIII в. в Борисоглебске появляются первые каменные культовые сооружения. В 1811 г. возводится Казанский храм с приделами св. Николая Чудотворца и св. Дмитрия Ростовского в стиле классицизма – значительное каменное сооружение города как в эстетическом, так и в композиционно-тектоническом плане. На Торговой площади в 1859 г. был построен храм Преображения, названный вскоре «Новым собором», в честь которого площадь была переименована в Новособорную. Это сооружение стало главным ориентиром улиц Охлябинской и Верхнеплощадной, а также композиционным центром планировочной структуры западной части города, так как по своим размерам превосходило остальные храмы города. Кроме того, храм Преображения стал ключевым элементом, доминантой силуэта города. Таким образом, три храма «держали» панораму города и создавали устойчивый силуэт.

Кроме того, три культовых сооружения в силуэте города содержали в себе духовный лейтмотив, отвечающий известному триадному строению категориальных конструкций различных областей мысли и практики, особенно значимому в духовно-религиозной сфере. Храм Преображения был третьим элементом в создаваемом тремя храмами «сакральном треугольнике». Все эти аспекты являлись основополагающими в формировании идентичности Борисоглебска как в материальном, так и в духовном плане.

В 1901 г. в центре Хлебной площади города возводится Сретенский храм. С композиционно-планировочной точки зрения этот храм являлся самым крупным и величественным культовым сооружением города, в связи с чем обсуждалась идея переименования его в храм Бориса и Глеба. Это была главная тектоническая

доминанта города, вокруг которой сосредотачивался его духовный центр [4]. С планировочной точки зрения храм также находился в центре города и играл композиционно-доминантную роль в создании узнаваемого городского силуэта. В 1931 г. храм был разрушен и разобран на хозяйственные нужды.

Утрата центральных храмов до сих пор тяжело сказывается на образе города, сбивает фокусировку идентичности, плотно сопряженной с православной верой и укорененной в ней символике форм и пространств.

Борисоглебск все еще сохраняет разнообразную, богатую деталями архитектуру (включая восстановленные шесть храмов), малые формы, керамику, кованые решетки ворот и ограждений, сохранившиеся афишные тумбы дореволюционной поры, каменное мощение и другие элементы, образующие его самобытный облик. Много дал городу и стиль модерн, органично вошедший в ткань исторической застройки. Война пощадила город: фронт до него не дошел. Сегодня Борисоглебск – образовательный и культурный центр района, имеющий филиалы воронежских вузов, в т. ч. направление «архитектурный дизайн», которое дает возможность натурального знакомства с наследием, способствует формированию будущих дизайнеров и архитекторов.

Будущее наследия, однако, сегодня висит над пропастью: его существование поставлено в зависимость от стратегии дальнейшего развития города, от избранного инстанциями, принимающими решения, инструмента развития. Понятно, что среди возможных стратегий сегодня есть и такие, для которых все изложенное не представляет никакой ценности.

Инструменты развития

Как подходить к проблеме поддержания идентичности таких уникальных живых малых городов, как Борисоглебск? Какие инструменты могут быть адекватны ценностно-ориентированному подходу к ней? Увы, ответ не столь уж прост. Можно выделить по крайней мере семь более-менее автономных инструментов; некоторые из них сегодня институционально и даже профессионально оформлены, а некоторые пребывают в гораздо более «виртуальном» состоянии, но оттого не менее значимы применительно к обсуждаемой теме.

< Рис. 6. Здание бывшего электро-театра «Модерн», ныне филиал ВГТУ. 1915. Фото А. Шаповалов Стерх. FotoKto.ru

1. Воспетая в годы послевоенной реконструкции **планировка** (City Planning) успела показать свою мощь и пространственный размах; она вполне достигает тех целей, которые перед ней поставлены. Планировка создавалась как целевая и рационалистическая стратегия управления территориями, не доходящая до сентиментальностей среды и чьей-то там исторической памяти, местных традиций или «духа места». Планировка по определению – занятие плоское, а планирование – служебная и вторичная процедура в рамках уже принятых решений, уже сформированных где-то безотносительно к конкретному городу программ или проектов.

2. Между тем, речь о **проектировании** в отношении городов, особенно исторических, сегодня подобна речи о веревке в доме повешенного. После знаменательной фразы В. Л. Глазычева: «Проектирование, заливая раны, отползло от города. С городом оно работать не может» [6] – если и делать ставку на проектность в таких условиях, то уж точно не на ту, которая десятилетиями отработывалась на «городах, которым названия нет». Но другой внятной, утвердившейся на инструментальном и надежно воспроизводимом уровне проектности нет до сих пор [7]. Есть City Planning, есть City Studies (неясно, где, кому и как их использовать), а вот City Designing и в лучшие для модернистского оптимизма годы не очень-то заявляло о себе, предпочитая менее саморазоблачительные термины вроде урбанизма.

3. **Градостроительство** (или урбанизм) не только представляет собою плохой перевод первых двух терминов и еще худшее переложение их идеологии в плоскость ортодоксального модернистского проектного мышления, но уже и на уровне термина звучит угрожающе. Тем более, что по своей сути этот инструмент централизованной политики явно нерелевантен задачам работы с такими малостями, как Борисоглебск. Он способен лишь снести его и построить на его месте нормальный, комфортный и функциональный негород на любое количество потенциальных обитателей. Увы, в этом пласте нашего профессионализированного инструментария не изменилось ничего.

4. Возникший лет тридцать назад **Urban Design**, разумеется, открещивался от модернистского ясновиде-

ния и нормативного благодетельствования. Он деловито соединяет различное, стремится не упустить важное из существующего, вообще оставляет впечатление бережной, ответственной и уверенной в себе практики [см., например, программный текст 8]. Однако именно практики-то и нет: есть лабильное умение решать вопросы, ситуативное искусство (юридическое по своей природе), не опирающееся на внятную теоретическую платформу, равнозначную технологии проектирования, программирования развития или того же планирования, – на платформу, способную «снять» недостатки дискредитированных теорий и одиозных институтов. Но есть эклектика на останках прошлых масштабных стратегий, искусство (poesis) лавировать среди их интеллектуальных руин, решая общественно полезные задачи в городах примерно так же, как пейзаю Гюбера Робера сушили белье на величественных руинах Рима.

5. **«Градостроительное искусство»** – замечательный и точный термин, отлично описывающий умонастроение эпохи от Камилло Зитте до А. В. Бунина, – благодное восприятие города как произведения искусства (в идеале – созданного одним автором-гением), идиллию XIX столетия, затянувшуюся до середины XX в. благодаря «вкусам тиранов». Термин, который сегодня звучит уже не столь идиллически, а скорее, безжалостно в отношении его методологической наивности, и уже совсем не отсылает к какому-либо разделу искусствознания. Но ничто не запрещает использовать инструмент – методики его применения ясны и прозрачны; не то, что в случае с Urban Design. Адекватен ли инструмент по имени «градостроительное искусство» задачам ценностного развития Борисоглебска и ему подобных? В самом деле, разве не художественного осмысления требуют такие города? Проблема, однако, в том, что средства художественного формирования и преобразования городов в рамках т. н. «градостроительного искусства» (или City Planning According to Artistic Principles, как это неизменно звучит по-английски), не менее жестки (а по сути – разрушительны в отношении исторических поселений), чем рациональная планировка и последовательно проведенное функциональное зонирование. Передача городов архитекторам из-под ведомства городских

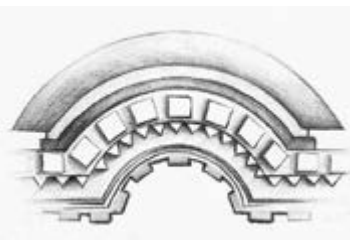

^ Рис. 7. Техническое железнодорожное училище, ныне СПТУ № 9. Открыто в 1878. Фото с сайта «Старинные города Воронежской области» https://www.kp.ru/best/msk/travel_to_voronezh/page248573.html (дата обращения: 20.05.2020)

v Рис. 8. Борисоглебский архитектурный декор. Рис. Д. Астахова

^ Рис. 9. Особняк Полякова, ныне картинная галерея им. П. И. Шолохова. Нач. XX века. Фото. Д. Астахова

инженеров (институт которых был упразднен), осуществленная по указанию И. В. Сталина в 1931 г., не имела в виду сохранение патриархальной атмосферы городов и городков. Имперская эстетика и утверждаемые через ее посредство истины столь же далеки от живой ткани поселений, как и принципы «плана Вуазен». Ведь характер таких городов, как Борисоглебск, не укладывается в схемы построения ансамбля, не принадлежит одному стилю; его феноменальная целостность и опознаваемая самобытность – в органичном сосуществовании различных, т. е. в феномене **среды**.

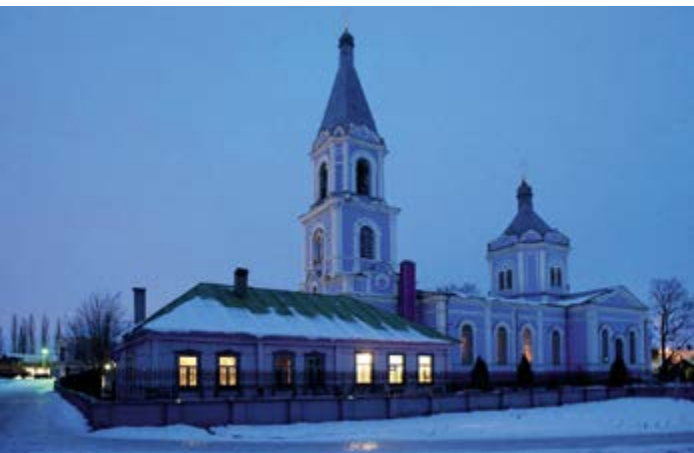
6. Но и **«средовой подход»** к нашему времени пал жертвой нахрапистых стратегий, не отличающихся ни его деликатной чуткостью, ни его принципиальной межпредметностью, мультидисциплинарностью. Конкуренция за муниципальные и пр. заказы отбросила тонкости и привела к утрате понимания смысла самого термина «среда», ставшего расхожим и обросшего нелепыми атрибутами вроде «комфортной». Хуже всего, что такие метаморфозы не были результатом лишь естественного хода событий; на них целенаправленно работали интересанты, до сих пор утверждающие, что среда – это все, что мы видим вокруг, где бы ни находились, что участие жителей в ее формировании – профессиональное отступление и сдача полномочий, а «средовой подход» якобы неизбежно ведет к имитациям и манипулированию. В результате технологии и техники работы, возникающие в «средовом подходе», стали чем-то вроде палеотехнологии – ископаемым достоянием еще вчерашнего прошлого, пользоваться которыми почти никто не умеет, смысл которых никто не понимает, а гуманитарное содержание которых обратилось едва ли не в свою противоположность. Однако спросим себя: случайно ли? Ведь еще в конце 1980-х В. Л. Глазычев с досадой констатировал, что среда – до сих пор не понятие, а скорее метафора. С тех пор ситуация лишь усугублялась.

7. Наконец, **урбанистика** (или уж **«новая урбанистика»**, памятуя о длинном смысловом шлейфе урбанизма второй половины XX в. и различаясь с ним) – вполне новое, динамичное и все еще многообещающее явление. Не став и не стремясь стать профессией, рассыпавшись на множество фигур активности вплоть до журналистики

и персональных эко-френдли способов потребления, существуя скорее как интенция (намерение или желание), чем как теория или практика, урбанистика успела-таки очертить круг своих приоритетов и возможностей, далеко не совпадающий с контуром традиционного урбанизма, несмотря на синонимичность [см., например: 9, 10]. Урбанистика, несомненно, вырастает из тех же умонастроений, какие породили «средовой подход»; ему, видимо, она обязана своей многодисциплинарностью, нередко справедливо отождествляемой с непрофессионализмом: как и «средовой подход» она отрицает профессиональную или предметно-дисциплинарную монополию на город. Не имея средств решения всех проблем даже небольших городов, сосредотачиваясь на локальных инициативах, на стратегии «малых дел», не умея преодолеть методологический эклектицизм и постоянно обращаясь за помощью к традиционным профессионалам от градостроительства, урбаносоциологии, экологии города и др., динамичная урбанистическая активность, однако, не спешит ни с чем отождествляться, продолжает нащупывать и упорно формировать свою инструментальную идентичность и автономию. Возможно, ей это удастся: ведь люди, вовлеченные в ее орбиту, как правило, чрезвычайно энергичны и предприимчивы. Но слабость урбанистики как инструмента в обсуждаемом нами свете очевидна: все в ней зависит от наличия активистов, а не от устойчиво транслируемых технологий (последние, однако, уже появляются [11]).

Непростые выводы

Таким образом, малым городам, подобным Борисоглебску, приходится рассчитывать... на свои силы. На формирование городских сообществ, заинтересованных в их развитии и непрестанно оснащающих себя эффективными, пусть и экспериментальными, методами и средствами. Уповать же на «большие» профессиональные или ведомственные программы, равно как и на масштабные бюрократические инициативы, очень опасно: они грозят уничтожением уникальности и утратой идентичности среды. Не стоит, в частности, ожидать, когда до малых городов докатится волна т. н. «пространственного развития» – еще одной масштабной идеи, которую

^ Рис. 10. Кафедральный собор в честь иконы Божией Матери «Знамение». 1869. Фото В. Жаркова

^ Рис. 11. Драматический театр им. Н. Г. Чернышевского. Фото Studio47.ru

на глазах постигает обычная уже судьба формализации и окостенения.

Российская ситуация отягощается еще и тем, что рядом с искренними энтузиастами, которых никогда не бывает много, как не бывает у них много ресурсов всех видов, возникают паразитические структуры, маскирующиеся под урбанистический активизм, но проводящие в жизнь доверившихся им городов и сообществ совсем иные ценности и цели. У таких структур нет особого недостатка в ресурсах, есть покровители и интересанты. Активность их разрушительна: она не только подрывает доверие к новым идеям, словам и понятиям, но и сжигает ресурсы реальному и еще возможному развитию.

Развитие городов давно уже стало политической сферой. Какие силы победят в этой борьбе, какими будут города России, в каком мире нам всем жить – решается всякий раз «на местах». Ценность таких мест, как Борисоглебск, внятность, осознанность их ценностей, формируемая ими идентичность, опознаваемая как жизненно значимое содержание повседневного бытия горожан – это устои осмысленного мира, опоры национального выживания. Они постоянно испытываются сегодня на прочность. Надо устоять. Надо выработать не только идеи и проекты подлинного развития (и осуществить их), но, одновременно, и сам инструментарий – методологию их формирования, имеющую не только локальный, но и всеобщий смысл: малые города России сегодня оказались на переднем рубеже обновления проектировочных, урбанистических, культуроформирующих практик.

Литература

1. Малые и исторические города: дискуссионный клуб ПБ // Проект Байкал. – 2019 – 61. – С. 34–41
2. Роу, К., Кеттер, Ф. Город-коллаж/пер. И. Третьякова. – Strelka Press, 2018. – 208 с.
3. Невлер, Л. Культура хамства // Декоративное искусство СССР. – 1987. – № 9. – С. 23–26. – URL: <http://www.cornelius.ru/GB/viewsm.php?id=218960> (дата обращения: 20.05.2020)
4. Асташов, Д. Ю. Градостроительный генетический код как «ядро» эволюционного развития архитектурно-планировочной структуры г. Борисоглебска // Молодой ученый. – 2015. – № 13. – С. 773–780
5. Линч, К. Образ города/пер. с англ. В. Л. Глазычева. – Москва: Стройиздат, 1982. – 328 с.

6. Глазычев, В. Л. Эволюция проектирования. Лекция 1. – URL: <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/2001-1/8> (дата обращения: 20.05.2020)
7. Капустин, П. В. Конверсия проектирования // Проект Байкал. – 2018. – № 55. – С. 142–147
8. Heide H. and Wijnbelt D. To Know and to Make: The Link between Research and Urban Design. *Journal of Urban Design*, Vol. 1, #1: 75 – 90, February 1996
9. Боков, А. В. Среда: вчера, сегодня, завтра. – URL: https://ardexpert.ru/article/15414?fbclid=IwAR37YADR6w4lDcBKL_pZeZbbxQs-XRTcVi2fV1ZZblgaqwmVOV1laBJYUf8 (дата обращения: 20.05.2020)
10. Шарыгин, А. Урбанистика: профессия или политика? – URL: <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10217813586475727&set=gm.2638928343010296&type=3&theate> (дата обращения: 20.05.2020)
11. Мурунов, С. Методология (10+2 базовых лекций про постсоветский город и сообщества. Авторские модели, технологии, определения). – URL: <http://workshopuniversity.ru/methodology?fbclid=IwAR2qh5n8qxFiX0dLLPjInhdQUbvdQusBlzC9rpfZ0rMQQ0Zz04Nk28KcLA> (дата обращения: 20.05.2020)

References

- Astashov, D. Yu. (2015). Gradostroitelnyi geneticheskii kod kak "yadro" evolyutsionnogo razvitiya arkhitekturno-planirovocnoi struktury g. Borisoglebska [Town-planning genetic code as a "core" of the evolutionary development of architectural and planning pattern of Borisoglebsk]. *Molodoi uchenyi*, 13, 773-780.
- Bokov, A. V. (2019, April 8). Sreda: vchera, segodnya, zavtra [Environment: yesterday, today, tomorrow]. Retrieved May 20, 2020, from https://ardexpert.ru/article/15414?fbclid=IwAR37YADR6w4lDcBKL_pZeZbbxQs-XRTcVi2fV1ZZblgaqwmVOV1laBJYUf8
- Glazychev, V. L. (2001, July 12). Evolyutsiya proektirovaniya [Design evolution]. Lecture 1. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.shkp.ru/lib/archive/second/2001-1/8>
- Heide H. and Wijnbelt D. (1996, February). To Know and to Make: The Link between Research and Urban Design. *Journal of Urban Design*, 1(1), 75 – 90.
- Kapustin, P. V. (2018). Conversion of design. *Project Baikal*, 15(55), 142–147. <https://doi.org/10.7480/projectbaikal.55.1306>
- Lynch, K. (1982). *Obraz goroda* [The image of the city] (V. L. Glazychev, Trans.). Moscow: Sroiizdat.
- Murunov, S. (n.d.). Metodologiya (10+2 bazovykh lektzii pro postsovetsskii gorod i soobshchestva. Avtorskie modeli, tekhnologii, opredeleniya) [Methodology (10+2 basic lectures on a post-soviet city and communities. Author's models, technologies, definitions)]. Retrieved May, 20, from <http://workshopuniversity.ru/methodology?fbclid=IwAR2qh5n8qxFiX0dLLPjInhdQUbvdQusBlzC9rpfZ0rMQQ0Zz04Nk28KcLA>
- Nevler, L. (1987). *Kultura khamstva* [The culture of rudeness]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*, 9, 23-26. Retrieved May 20, 2020, from <http://www.cornelius.ru/GB/viewsm.php?id=218960>
- Rowe, C., & Koetter, F. (2018). *Gorod-kollazh* [Collage city] (I. Tret'yakov, Trans.). Strelka Press.
- Sharygin, A. (2020, April 27). Urbanistika: professiya ili politika? [Urbanistics: profession or policy?]. Retrieved May, 20, 2020, from <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=10217813586475727&set=gm.2638928343010296&type=3&theate>
- Tkacheva, M. (2019). Small and historic towns. *Project Baikal*, 16(61), 34–41. <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1498>